

АНАТИКА

УКРОЩЕНИЕ ХАРДА

18+

ОН ЗВЕЗДА. ОН ХОЛОДНЫЙ. ОН НЕПРИСТУПНЫЙ.

Ана Тихая

Укрощение Харда

<https://litres.ru/74449363>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася Князева всегда умела держать эмоции под контролем, но встреча с поп-звездой по имени Хард рушит все ее правила. Его капризы доводят съемочную группу до белого каления, а ее острое словцо и холодный взгляд неожиданно заставляют самоуверенного певца потерять дар речи.

Случайно оказавшись в одном откровенном кадре его клипа, они запускают цепочку событий, о которых пожалеют оба. Теперь Ася ведет новое вечернее шоу на ТВ, а Хард становится постоянным гостем её авторской рубрики. Два раза в неделю в прямом эфире они сходятся в жестком словесном поединке, превращая ненависть в тонкое искусство.

Но чем сильнее они пытаются задеть друг друга под софитами, тем опаснее становится напряжение за дверями гримерок. В этой игре нет правил, а цена победы — контроль над собственным сердцем и тайна человека, чье настоящее имя не знает никто, кроме него самого.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Укрощение Харда

Глава 1

Утро началось не с кофе. Утро началось с сообщения от Лёши в мессенджере:

«Ася, готовься. Сегодня ад. У нас Хард».

Я стояла на пороге студии с картонным стаканчиком в одной руке и ключами в другой.

Хард. Имя было знакомым, разумеется. Кто в стране его не слышал? Гремел из каждого утюга последние года два: дерзкий, красивый, то ли рок-звезда, то ли поп-идол — никто толком не мог определить жанр. Песни крутили везде, клипы набирали миллионы, а жёлтые заголовки пестрели его похождениями. Но я его никогда не видела вживую. Как-то не доводилось: я таскала кофе на кулинарные шоу, монтировала сметы для утренних эфиров, крутилась на новостях — а большая сцена и её обитатели существовали где-то в параллельной вселенной.

«Подумаешь, Хард», — пожала я плечами мысленно. Я вообще не из тех, кто впечатляется звёздами. На телевидении быстро учишься одному: чем ярче свет, тем длиннее тени. Все эти «кумиры» за кадром чаще всего оказываются уставшими, нервными людьми, которые требуют зелёный чай определённой температуры и орут на ассистентов.

Но Лёша, наш второй ассистент и по совместительству главный паникёр, явно был настроен иначе. Когда я вошла в павильон, он налетел на меня с порога:

— Ты не понимаешь, — зашептал он, активно жестикулируя. — Хард — это катастрофа. Я читал, что он на прошлой неделе сорвал съёмки в Питере. Просто встал и ушёл. Режиссёр чуть не заплакал. Модель, которая с ним работала, удалила все соцсети.

— Модель, наверное, ему не так улыбнулась, — хмыкнула я, ставя сумку на стол. — Или улыбнулась слишком искренне. Такие, как он, требуют поклонения.

— Такие, как он, требуют жертвоприношений, — мрачно поправил Лёша.

Я только плечами пожала. Пусть требует что хочет. У меня сегодня было дел по горло: смета, логистика, договор с реквизиторами. Я не собиралась пересекаться с суперзвездой. Моя работа — бумажки и кофе. Его работа — быть красивым в кадре. Наши орбиты не соприкасаются.

Как же я ошибалась.

Первое, что я увидела, зайдя в главный павильон, — это суета. Суета особого рода: нервная, дёрганая, с нотками паники.

Люди бегали быстрее обычного. Осветители перекрикивались так, будто тушили пожар. Гримёрши перешёптывались, косясь в сторону режиссёрского уголка. И даже Дэн, наш невозмутимый продюсер, который обычно философски

цедил кофе и повторял «всё решаемо», сегодня ходил кругами и тёр переносицу.

— Дэн, что за цирк? — спросила я, подступая с планшетом. — Мне нужна твоя подпись на смету по реквизиту. И я договорилась по аренде света на завтра.

— Свет на завтра — это прекрасно, — пробормотал он, не глядя на меня. — Только бы дожить до завтра.

— А что сегодня?

— Сегодня, Ася, — он наконец поднял на меня глаза, и в них читалась вселенская усталость, — снимаем клип для Харда. Новый альбом. Главный сингл. Ставка — вся его карьера. И, соответственно, часть моей.

— Я слышала, — кивнула я. — Но ты же профи. Снимешь.

— Сниму, если он не разгонит всех моделей раньше времени, — Дэн кивнул куда-то в сторону декораций.

Я проследила за его взглядом. И увидела его.

Хард сидел в режиссёрском кресле — вальяжно развалившись, закинув ногу на ногу. Шёлковая рубашка расстёгнута ровно настолько, чтобы любой, у кого есть глаза, понял: это не просто человек. Это звезда. Наглая, дорогая, холёная. Светлые волосы уложены в художественный беспорядок, который наверняка стоил кому-то часа работы. На лице — выражение глубочайшей, бездонной скуки. Челюсть — острые углы, будто вырезанные по лекалу. Скулы — хоть сейчас на обложку.

Красив. Этого не отнять. Но красота какая-то... холодная. Как дорогой автомобиль в витрине: смотришь — восхищаешься, а за руль садиться не хочется. Потому что внутри, чувствую, всё на жёсткой коже и полном отсутствии души.

Рядом с ним стояла модель — первая, как я потом поняла, из трёх за утро. Высокая блондинка с ногами от ушей, в обтягивающем платье. Она смотрела на Харда с той самой смесью страха и подбострастия, которую я ненавидела в людях. А он смотрел сквозь неё. Буквально — взгляд был направлен куда-то в пространство, как будто перед ним не живой человек, а пустое место.

— Не верю, — произнёс он лениво, и голос у него оказался низкий, с хрипотцой. — У неё глаза как у варёной рыбы. Следующая.

Блондинка заморгала. Губы задрожали. Она opened рот — то ли возразить, то ли заплакать, — но передумала, развернулась и вылетела прочь. Каблуки простучали по бетону как автоматная очередь.

Я присвистнула про себя. Ничего себе начало рабочего дня.

— Видишь? — прошептал Лёша, оказавшийся рядом. — Я же говорил. Жертвоприношения.

— И часто он так? — спросила я шёпотом.

— Это он ещё в хорошем настроении.

Вторая модель продержалась дольше. Она явно была подготовлена: встала в позу, вскинула голову, попыталась изоб-

разить страсть во взгляде. Хард посмотрел на неё секунды три.

— Ты играешь любовь, — сказал он, и в голосе сквозила скука пополам с брезгливостью. — А песня — про ненависть. Про то, как двое сходят с ума друг от друга, но не могут уйти. Ты вообще текст слышала?

— Я... да, конечно, — залепетала модель. — Просто я думала...

— Не надо думать. Надо чувствовать, — отрезал он. — Ты не чувствуешь. Следующая.

Девушка ушла, стиснув зубы. Кажется, она держалась из последних сил.

Третья модель сбежала сама. Просто посмотрела на Харда, перевела взгляд на режиссёра Марка — и отрицательно покачала головой.

— Я не буду, — сказала она громко. — Я лучше в рекламу зубной пасты. Там меньше унижений.

И ушла. Просто развернулась и ушла. Третья за утро.

На площадке повисла тишина. Осветители замерли. Гримёры притихли. Режиссёр Марк, обладатель «Оскара» за лучший клип, закрыл лицо ладонями и, кажется, молился.

— Это катастрофа, — выдохнул Дэн. — У нас локация оплачена на два дня. Бюджет горит. А он... — продюсер бросил яростный взгляд на Харда, который в этот момент лениво листал ленту в телефоне, как будто ничего не происходило. — Ему плевать. Понимаешь? Плевать.

Я стояла у края площадки, прижимая к груди планшет, и ждала, когда Дэн наконец подпишет бумаги. Я не собиралась вмешиваться. Это не моя война. Моё дело — смета, кофе и логистика.

— Ася! — вдруг позвал Дэн, и его голос прозвучал как-то иначе. Острее. Прицельнее.

Я обернулась. Продюсер смотрел на меня странно. Прищурившись. Оценивающе. Так смотрят не на сотрудницу — на решение проблемы, которое внезапно подвернулось под руку.

— Подойди.

Я подошла. Внутри зашевелилось нехорошее предчувствие. Дэн — мужик отличный, но когда у него загораются глаза таким вот лихорадочным блеском — жди беды.

— Хард! — громко позвал он.

Хард нехотя поднял голову от телефона. Вблизи он оказался ещё более... внушительным. От него веяло дорогим парфюмом, мятной жвачкой и какой-то животной уверенностью в себе. Серые глаза — я вдруг заметила, что они серые, а не голубые, как на обложках — скользнули по мне. С головы до ног. Медленно. Нагло. Без тени смущения.

— Вот твоя героиня, — объявил Дэн.

Повисла пауза. Густая, вязкая. Хард смотрел на меня — и я кожей чувствовала этот взгляд. Оценивающий. Снисходительный. Как на предмет интерьера, который вдруг заговорил.

— Эта? — лениво протянул он. — Она же смотрит на меня так, будто мечтает отравить.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Идеально! — воскликнул Дэн. — Ты два часа орал, что хочешь ненависть в кадре. Вот. Натуральная, нефильТРованная. Бесплатно.

— Дэн, — я вклинилась, стараясь говорить ровно. — Я ассистент продюсера. Не модель. Я не...

— Ты мечтаешь быть ведущей, — перебил он. И попал. В точку. В самое сердце.

Я замолчала.

— Это твой шанс, Князева, — продолжил он. — Камера, свет, режиссёр с мировым именем. И он, — кивок в сторону Харда. — Вытянешь дубль — я это запомню. Лично займусь твоим проектом. Обещаю.

Хард издал короткий смешок. Снисходительный, ленивый:

— Она не вытянет и трёх минут. Посмотри на неё — дрожит уже сейчас.

Вот тут-то во мне что-то и щёлкнуло.

Я сама не заметила, как сделала шаг вперёд. Руки сложились на груди. Подбородок вздёрнулся. Глаза нашли его — серые, наглые, с этим вечным прищуром всезнающего бога.

— Волнуешься, что я тебя переиграю, Хард? — спросила я. Ровно. Спокойно. Тем самым голосом, который годами репетировала перед зеркалом, мечтая о прямом эфире.

— Привык, что девочки падают в обморок, стоит тебе улыбнуться? Спешу разочаровать. Я на такое не ведусь. Ты для меня — работа. Сложная, неприятная, но работа. А я умею её делать.

Тишина. Глубокая, звенящая. Кто-то сзади присвистнул — кажется, оператор.

Хард замер. Впервые за всё утро на его лице отразилось что-то кроме скуки. Сначала — удивление. Потом — что-то острое, опасное. Зрачки чуть расширились, ноздри дрогнули. Как у хищника, который увидел добычу, а добыча вдруг показала зубы в ответ.

Он встал. Медленно. Оказался выше меня на голову. Сделал шаг — и остановился непозволительно близко. Я чувствовала запах его парфюма, видела крошечный шрам над левой бровью, замазанный тональным кремом.

— Ладно, — сказал он тихо. И улыбнулся — не той ленивой, звёздной улыбкой. Другой. Хищной. Опасной. — Работай. Посмотрим, из чего ты сделана... ассистентка.

— Ведущая, — поправила я. Голос не дрогнул.

— Пока ещё нет.

— Пока ещё да.

Он усмехнулся. Коротко. Без тепла.

— Марк! — бросил он через плечо. — Запускаем. Посмотрим на эту... ненависть.

Меня мгновенно подхватили, потащили в гримёрку. Кто-то сдёрнул пиджак, кто-то накинул тяжёлый плащ с чужого

плеча. Запахло пудрой, лаком, влажной тканью. Яркий свет софитов ударил в лицо.

— Реквизит готов!

— Свет!

— Камера!

Я стояла в луже искусственного дождя, на мокром асфальте, под неоновыми огнями. А в шаге от меня стоял он — Хард, суперзвезда, чьё настоящее имя было тайной за семью печатями. Он смотрел на меня — и в его глазах больше не было скуки. Только холодный, изучающий интерес. И что-то ещё. Что-то, от чего у меня против воли сжалось сердце.

— По сценарию, — прошептал он, наклоняясь к моему уху, — мы должны поцеловаться.

— Только через мой труп, — прошептала я в ответ.

Он усмехнулся — по-настоящему. Я видела: это не игра.

— Мотор!

И начался дубль. Тот самый. Который изменил всё.

Музыка ударила по вискам. Низкий бит, обволакивающий, вязкий. Я никогда не слышала эту песню раньше — видимо, её держали в секрете до премьеры. Но текст... Текст оказался совсем не таким, как я ожидала. Не про деньги. Не про клубы, девочек и быстрые машины.

Про одиночество. Про стекло, через которое на тебя смотрят миллионы глаз — и никто не видит.

Я запомнила одну строчку: «Я свет включу — они слепые. Я свет включу — себя не видно».

И вот с этой песней в ушах я стояла под искусственным дождём, в плаще, который был мне велик размера на два, и смотрела на человека, которого ненавидела всей душой. А он смотрел на меня.

Камера наезжала медленно. Я знала, как это работает — не зря два года таскала кофе операторам и слушала, о чём они говорят на перекурах. Крупный план. Глаза. В них должно быть всё.

И я дала им всё. Вспомнила, как он смотрел сквозь меня полчаса назад. Как сказал «эта?» — так, будто я пятно на его драгоценной рубашке. Как листал телефон, пока режиссёр с «Оскаром» метался перед ним в панике. Самовлюблённый, избалованный, пустой...

— Ближе, — произнёс Хард, и я не сразу поняла: это по сценарию или он мне?

Тело среагировало быстрее мозга. Я сделала шаг. Он — тоже. Теперь нас разделяли сантиметры. Дождь барабанил по его плечам, по моим волосам, капли стекали по вискам, по скулам. Я чувствовала жар, исходящий от него — странно, потому что вода была ледяной.

— Ты дрожишь, — сказал он. Тихо. Без наигранности.

— Это от холода, — отрезала я. — Не обольщайся.

Уголок его рта дрогнул. И эта тень улыбки почему-то не была противной. Она была... понимающей? Нет. Показалось. Просто показалось.

— По сценарию ты должна меня ненавидеть, — напомнил

он шёпотом, наклоняясь к моему уху. Горячее дыхание коснулось кожи — и по позвоночнику пробежало что-то, чего я не хотела чувствовать. — А дрожишь ты или нет — зритель не заметит. Продолжай смотреть так же.

— Как?

— Как будто я украл у тебя всё, что ты любила.

— Легко, — выдохнула я. — Ты украл у меня нормальный рабочий день. И возможность никогда тебя не видеть.

Он рассмеялся. Прямо в кадре! Короткий, искренний, низкий смех. Я увидела боковым зрением, как режиссёр Марк замер у монитора, а Дэн вцепился пальцами в собственный подбородок. Но никто не крикнул «стоп». Никто не прервал. Потому что этот смех — случайный, живой — сделал кадр в сто раз лучше.

А потом Хард вдруг поднял руку. Медленно. Очень медленно. И коснулся моего лица.

Это не было в сценарии. Я знала сценарий — Дэн дал мне пробежать глазами, пока меня красили. Там было: «Она смотрит с ненавистью. Он тянется к ней. Она отстраняется». Никаких прикосновений. Никаких пальцев на скулах.

Но он коснулся. Кончики пальцев — к моей скуле. Горячие. Неожиданно горячие. И я замерла. Не по роли — по-настоящему. Потому что никто не трогал моё лицо так... осторожно. Так, будто я могу разбиться. С тех пор как умерла мама, а папа мог только неуклюже обнять за плечи, не зная, как обращаться с взрослой дочерью.

— У тебя ресницы дрожат, — заметил Хард. — Не по сценарию.

— У тебя пальцы не там, — огрызнулась я шёпотом. — Тоже не по сценарию.

— Плевать. Импровизируй, ассистентка.

— Ведущая.

— Ещё нет.

— Уже ближе, чем ты думаешь.

Наши лица были так близко, что я видела капли дождя на его ресницах. Серые глаза — стальные, с тёмным ободком вокруг радужки. И крошечный шрам над левой бровью. И в этих глазах, в самой их глубине, что-то мелькнуло.

Не наглость. Не скука. Не звёздная спесь.

Боль.

На секунду. На долю секунды. Словно трещина в идеальном фасаде.

А потом он моргнул — и снова стал тем самым Хардом, которого ненавидел весь персонал. Холодным. Закрытым. Непробиваемым.

— Стоп! Снято! — заорал Марк. — Это... Это просто... Я не знаю, что это! Но это было охренеть как хорошо!

Площадка взорвалась аплодисментами. Кто-то свистел, кто-то хлопал меня по плечу. Гримёрша Таня, которая час назад смотрела на меня с плохо скрытой жалостью, теперь показывала сразу два больших пальца.

— Дубль один! — завопил Дэн. — С первого раза! Князе-

ва, ты где была всё это время?! Ты понимаешь, что ты только что сделала?!

Я стояла мокрая, оглушённая, и пыталась понять, что вообще произошло. Сколько это длилось? Три минуты? Четыре? Целую вечность?

Хард уже отошёл в сторону. К нему тут же подлетели ассистенты с полотенцами и телефонами. Он взял полотенце, небрежно промокнул волосы и вдруг замер. Обернулся через плечо. На меня.

Ничего не сказал. Просто посмотрел пару секунд. И отвернулся.

Но я успела заметить: его пальцы, те самые, что касались моего лица, — они чуть заметно дрожали. Совсем чуть-чуть. Так дрожат пальцы у человека, который долго держал себя в руках, а теперь позволил себе ослабить хватку.

— Князева! — Дэн нарисовался передо мной, сияющий как новогодняя ёлка. — Я тебя запомнил. Ты — огонь. Завтра в девять утра жду в студии. Обсудим твой проект. Ведущей.

Я моргнула:

— Какой проект?

— Тот, который ты мне предложишь, — подмигнул он. — А теперь иди, сушишься. И... спасибо. Ты спасла мне бюджет, карьеру и, кажется, всего Харда вместе с его альбомом.

Я побрела в гримёрку, стянула мокрый плащ, села перед зеркалом. С отражения на меня смотрела незнакомая девуш-

ка с безумными глазами и алыми губами. Я поднесла руку к лицу — к тому самому месту на скуле. Кожа всё ещё горела.

Он коснулся меня. Без сценария. Без команды.

«Это работа, — приказала я себе мысленно. — Просто работа. Он — просто работа. И ничего больше».

Но в ушах всё ещё билась та строчка: «Я свет включу — себя не видно».

И я впервые задумалась: а что, если Хард — не просто самовлюблённый павлин? Что, если за всей этой мишурой, за псевдонимом, за ленивой улыбкой и дорогими шмотками — кто-то есть? Кто-то, кто пишет такие тексты. Кто-то, кто касается так, будто боится сломать.

Я тряхнула головой, отгоняя опасные мысли. Нет. Не смей, Ася. Ты его ненавидишь. Это — единственное, что было настоящим в этом кадре.

Или нет?

Я взяла телефон. Набрала в поиске «Хард» — просто чтобы напомнить себе, с кем имею дело. Чтобы увидеть все эти заголовки, весь этот лоск, все эти статьи о его капризах и победах. Чтобы вернуть себя в реальность.

Но палец завис над кнопкой поиска.

Нет. Не сегодня.

Я заблокировала телефон, швырнула его в сумку и пошла сушить волосы. Завтра важный день. Завтра — мой шанс.

А Хард... пусть остаётся в кадре. Там ему самое место.

Глава 2

Я не спала всю ночь. В четыре утра я наливала третью чашку кофе, в пять — переставляла блоки в своей презентации, а в семь сорок пять уже стояла перед зеркалом, выглаживая воротник белоснежной блузки.

Это был мой шанс. Один-единственный. За два года работы на ТВ в роли «принеси-подай-составь смету» я выучила всю изнанку этого бизнеса. Я знала, каких шоу не хватает каналу, чего хочет зритель и как сделать так, чтобы кадр дышал жизнью, а не искусственной фальшью. У меня в ноутбуке лежал готовый концепт вечернего интерактивного шоу — умного, дерзкого, с живыми эмоциями и без заезженных сценариев.

Когда в восемь сорок пять я шагнула в здание телецентра, атмосфера в коридорах была странной. Гримёрши притихали, когда я проходила мимо, а ассистенты из соседних отделов открыто шептались.

— Князева, ну ты даёшь! — окликнул меня оператор у кофепойнта. — Вчерашний исходник Марк до ночи монтировал. Сказал, у тебя в кадре магнетизм.

Я лишь сдержанно кивнула, сжимая в руках папку с распечатками. Магнетизм? Скорее, ярость и попытка не утонуть под ледяным дождём.

В девять ноль-ноль я уже стояла в кабинете Дэна.

Продюсер выглядел так, будто сорвал куш в казино. Впервые за полгода на его столе не было гор пустых стаканов из-под эспрессо, а сам он сидел в кресле с безупречной осанкой.

— Князева, заходи, садись! — он указал на кожаное кресло напротив. — Сразу к делу. Я показал вчерашний дубль гендиректору. И знаешь, что он сказал?

— Что мы вышли из бюджета? — хмыкнула я, выкладывая на стол свою папку.

— Он сказал, что за последние три года не видел на этом канале ни одной женщины, за которой хотелось бы наблюдать не отрываясь, — Дэн подался вперёд, сцепив пальцы. — Ты в кадре — это огонь. Не наигранная эротика, а настоящая, чертова харизма. Короче: твоё авторское вечернее шоу «Без фильтров» утвердили.

У меня на секунду перехватило дыхание. Сердце сделало оглушительный кувырок и стукнуло где-то в горле.

— Утвердили? — тихо переспросила я, не веря своим ушам. — Вся сетка? Часовой формат?

— Часовой формат, прайм-тайм по четвергам, полный бюджет, собственный штат редакторов, — Дэн подмигнул мне. — Ты получаешь всё, о чём мечтала, Ася. Кабинет, съёмочную группу и свой микрофон.

Я едва удерживала улыбку. Две недели бессонных ночей над презентацией, два года терпения — и вот оно. Выход на сцену.

Но Дэн не был бы топовым продюсером, если бы не умел

держат паузу. Он медленно откинулся на спинку кресла, достал из стола вторую папку и положил её поверх моих распечаток.

— Но есть одно «но», Ася. Маленькое условие от генерального спонсора и руководства.

Моя улыбка мгновенно погасла. Внутри защипало знакомое предчувствие.

— Какое условие, Дэн?

— Шоу твоё, формат твой, но прямо в середине эфира у тебя будет постоянная 15-минутная рубрика. Без сценария, в живом разговоре. Разбор самых громких и грязных новостей недели.

— Звучит нормально, — настороженно проговорила я. — А в чём подвох?

— У рубрики должен быть постоянный соведущий, — Дэн сделал короткий вдох. — Мужчина. Для контраста. Чтобы вы сталкивались лбами и выдавали в эфир точно такую же искру, как вчера под дождём.

Воздух в кабинете будто застыл. Я медленно подняла глаза на продюсера:

— Нет. Скажи, что ты шутишь.

— Ася, — мягко начал Дэн, но в его голосе прозвучали стальные ноты. — Хард запускает новый альбом. Ему нужна постоянная мощная медийная площадка до конца сезона. А каналу нужны его миллионные рейтинги. Вчерашний дубль доказал: когда вы вдвоём в одном пространстве, зри-

тель прилипает к экрану. Вы будете вести эту рубрику дважды в неделю.

— Я не буду работать с ним! — я резко поднялась с кресла. — Он самовлюблённый, неконтролируемый деспот, который срывает съёмки и унижает людей! Я строила концепт шоу не для того, чтобы быть декорацией к его эго!

— Ася, сядь, — отрезал Дэн. Голос продюсера стал сухим и прагматичным. — Ты хочешь быть ведущей? Это твой билет. У тебя контракт на столе: либо ты ведёшь шоу с условием совместной рубрики с Хардом, либо шоу отдают Свете из утреннего блока, а ты возвращаешься к сметам и кофе. Выбирай. Прямо сейчас.

Я замерла, сжимая кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Рушить мечту всей жизни из-за одного зарвавшегося музыканта? Отдать свой проект Свете, которая не отличит петличку от шнура?

Ни за что.

— Какая у меня свобода действий в кадре? — сквозь зубы спросила я.

— Полная, — быстро ответил Дэн, поняв, что я заглотнула наживку. — Можешь срезать его, задавать любые неудобные вопросы, провоцировать. Руководству нужен живой конфликт. Если сможешь его уделать в прямом эфире — канал тебе только спасибо скажет.

Я глубоко вдохнула, собирая волю в кулак.

— Ладно. Я согласна. Но если он опоздает хоть на минуту

или...

Дверь кабинета распахнулась без стука.

— ...или что, редактор Князева? — прозвучал от порога низкий, бархатный голос с лёгкой хрипотцой.

Я обернулась.

Хард стоял в дверном проёме, опираясь плечом о косяк. Без вчерашнего мокрого грима, в обычной темно-серой футболке, подчеркивающей широкие плечи, и с чашкой свежего кофе в руках. Наглый, уверенный, отдохнувший. В его серых глазах снова плясали те самые опасные, ироничные чертики.

— Привет, партнёрша, — усмехнулся он, делая глоток и глядя на меня прямо. — Готова делиться со мной своим эфиром?

Дэн переводил взгляд с меня на него с таким видом, будто перед ним разворачивался финал Лиги чемпионов. В его глазах горел чистый, азартный восторг продюсера, который только что понял: эта парочка сожжет рейтингами весь вечерний эфир.

— Так, — Дэн хлопнул ладонью по столу, разряжая натянутую тишину. — Я вижу, что контакт установлен. Химия работает, искры летят, от ненависти до прайм-тайма — один шаг.

Продюсер быстро подхватил со стола свой планшет, чашку с недопитым эспрессо и направился к выходу:

— У меня через три минуты совещание с директором по рекламе. Кабинет в вашем распоряжении. Князева, донеси

до нашей звезды структуру. Хард, не доводи её до греха раньше первого прямого эфира. Нам еще декорации монтировать.

Дверь за Дэном щелкнула. Мы остались вдвоем.

Хард не спеша прошел вглубь кабинета, опустил свой кофе на столешницу и вальяжно уселся в кресло Дэна — ровно на то место, где только что сидел хозяин канала.

— Ну, рассказывай, ведущая. Чем планируешь развлекать почтенную публику в эти пятнадцать минут?

Я не дала себе ни секунды на замешательство. Подошла к столу, расстегнула папку и выложила перед ним распечатанную структуру эфира — тайминг, распределенный по минутам, с прописанными ключевыми поворотами.

Хард закинул ногу на ногу, лениво поддел один из листов двумя пальцами, приподнял, пробежал глазами пару строчек и с коротким, пренебрежительным фырканьем бросил распечатку обратно на полированный стол.

— Это скучно, Князева, — откинулся он на спинку кресла. — Ты расписала меня как по учебнику. «Вопрос о творческом пути», «впечатления от тура»... Серьёзно? С таким сценарием зритель уснет на третьей минуте.

— А ты не спеши выкидывать, — я подошла к столу вплотную, опёрлась ладонями о столешницу и пододвинула лист обратно к нему. — Это не сценарий, а карта тем. Читай дальше первых двух строчек.

Хард прищурился, снова взглянул на текст, и его брови

медленно поползли вверх.

— Три блока, — ровно чеканила я, скрестив руки на груди. — Первый — твой новый сингл и резкая смена стиля. И меня интересует не глянцева́я сказка про «душевный порыв», а почему в твоём новом треке нет твоих привычных фирменных музыкальных шаблонов и заезженных фишек из прошлых альбомов. Почему музыка стала сложнее, текст — злее, а из обложки пропали дешёвые понты?

Хард замер. На его лице впервые погасла ленивая ухмылка. Серые глаза сузились, в них проскочило что-то чистое, острое и очень опасное. Он оперся подбородком о сцепленные в замок пальцы и впервые посмотрел на меня без тени превосходства.

— Вторым блоком идет твоя последняя выходка в Питере, когда ты просто встал и ушел со съемок, — продолжала я, бив точно, без промаха. — Хард — это удобная ширма. Под ней можно спрятать всё что угодно: сорванные съемки, хамство, усталость. Но в эфире я не буду разговаривать с ширмой. Я буду говорить с человеком, который написал этот текст.

Хард медленно подался вперед, опираясь локтями о стол. В пространстве между нами сгустилось такое раскаленное напряжение, что, казалось, воздуха стало не хватать.

— В Питере режиссер был идиотом, — тихо, с низкой хрипотцой проговорил он. — А оператор снял модель так, будто она играет в рекламе средств от радикулита. Я эконом-

лю свое время, Князева. Это не выходка, это профессиональный отбор. И ты играешь с огнем. Ты понятия не имеешь, что там, за этой ширмой.

— Так покажи, — парировала я, встретив его давящий взгляд абсолютно ровно. — Или ты умеешь быть смелым только перед двадцатилетними модельками? Публика обожают, когда идола оправдывают свою заносчивость «высокими стандартами». Вот и объяснишь это в кадре.

Несколько секунд он молчал, не моргая. Затем уголок его рта медленно пополз вверх, превращаясь в ту самую — настоящую, хищную ухмылку.

— А третий блок? — прошептал он. — Что поберегла на десерт? Мою личную жизнь? Скандалы? Или считаешь мои деньги?

— Третий блок — свободная зона, — я наклонилась к нему чуть ближе, оказалась непозволительно близко. — Вопрос от меня лично. Без подготовки и без согласования с твоей пресс-службой. Ты ведь хотел импровизацию? Вот и проверим, как быстро ты соображаешь, когда сценарий не написан пиарщиками.

— А если я задам встречный вопрос? — его голос опустился до едва слышного, интимного шепота. — Прямо в кадре. Про тебя, Ася. Про то, как ассистентка с кофе за один вечер стала лицом вечернего шоу. Думаешь, зрителям не интересно, как ты зубами выгрызла это место?

— Задавай, — я даже не моргнула. — Только помни: у

меня на руках факты и цифры, а у тебя — только твое раздутое эго. Посмотрим, чья броня прочнее.

Хард смотрел на меня еще мгновение, а потом вдруг тихо, низко рассмеялся. Это был не его привычный звёздный смешок для прессы, а настоящий, живой звук.

— Ты безумная, Князева, — он поднялся во весь рост, подхватил свой кофе и направился к выходу. На самом пороге обернулся через плечо: — Мне это нравится. До встречи в эфире. Не забудь надеть что-нибудь яркое — бледные на моем фоне теряются.

— Не волнуйся, Хард, — отрезала я ему в спину. — В этом эфире теряться будешь ты.

Дверь моей съёмной однокомнатной квартиры на окраине города закрылась с тяжелым щелчком. Я прислонилась затылком к прохладному пластику и наконец выдохнула — глубоко, с дрожью, выбивающейся из самой глубины груди.

Здесь, среди потертого паркета, чужой мебели и старенького торшера, не было софитов, камер и давящего авторитета Дэна. Но не было и той брони, которую я так тщательно надевала на работе.

Квартира требовала ремонта ещё лет десять назад, но на большее зарплаты старшего ассистента просто не хватало. Впрочем, сейчас это не имело значения. Сегодня я выбила себе шоу. Сегодня я отстояла право не быть просто «девушкой с кофе».

Я скинула туфли на каблуках, смыла в ванной остатки

дневного макияжа, натянула свободный серый худи и заварила себе крепкий ромашковый чай. Спать после бессонной ночи хотелось зверски, но мозг продолжал крутить его последнюю ухмылку на пороге кабинета: «Не забудь надеть что-нибудь яркое — бледные на моем фоне теряются».

— Посмотрим, кто из нас потеряется, — пробормотала я себе под нос, открывая крышку ноутбука. — Посмотрим, насколько глубоко запряты твои скелеты, Хард.

Я откинулась на спинку дивана, запустила браузер и открыла закрытые базы данных вместе с открытым реестром авторских прав и патентных заявок. Мозг требовал строгих фактов.

Официальная биография музыканта была зализана пресс-службой до блестящего глянца: родился в столице, с четырнадцати лет писал треки, в девятнадцать взлетел на вершины чартов, в двадцать два — скандалы, клубы, миллионные контракты. Ни слова о семье, ни слова о том, как именно создавался этот музыкальный империум.

Первый час поисков не дал ничего, кроме стандартной желтухи: драки у клубов, сорванные интервью, иск от бывшего продюсера. Обычная ширма, за которой он так удобно прятался от прессы.

Тогда я зашла с другой стороны. Не как рядовой зритель, а как медийщик.

Я сопоставила реестры правообладателей его первых трёх альбомов с последним релизом. И вот тут наткнулась на

нечто действительно интересное.

На всех его прошлых золотых хитах — тех самых, что гремели из каждого утюга и принесли ему миллионы — в соавторах и аранжировщиках числилась неизвестная офшорная компания. По сути, «призрак», на которого списывали права. Хард был лишь ярким лицом, голосом и брендом, а музыку за него дорабатывала целая команда теневых продюсеров.

А вот в новом альбоме... офшор исчез. В графе «автор музыки, текста и аранжировки» впервые за всю его карьеру стояло только одно имя — его сценический псевдоним.

Я замерла, еще раз перечитывая документы.

Картина мгновенно сложилась. Он полностью разорвал связи с прошлыми покровителями и решил сделать продукт сам. Без глянца, без чужих шаблонов и без продюсерской страховки. Новый сингл звучал так агрессивно и непривычно не потому, что это каприз звезды, а потому что это был его единственный шанс доказать, что он чего-то стоит без чужой указки.

Вот откуда его дерзость. Вот почему он так нервничал на съёмках в Питере и бросался на людей — он был на пределе, рискуя всем своим именем.

Я закрыла ноутбук и тихо выдохнула.

Компромат? Скандалы? Нет, всё это ерунда. Завтра в прямом эфире я не буду устраивать дешёвый допрос. Я подарю ему то, чего он хочет больше всего, и одновременно поставлю к стенке: заставлю его защищать свою собственную му-

зыку перед всей страной.

— Ну что, автор... — тихо прошептала я в темноту комнаты. — Завтра мы посмотрим, чего стоит твоя самостоятельность.

Глава 3

Закулисье перед прямым эфиром всегда напоминает отлаженный, но абсолютно безумный улей.

Шорох каблучков по линолеуму, выкрики помощника режиссера в рацию, запахи лака для волос, плотной профессиональной пудры и горячего кофе из автомата. В воздухе висело то самое электрическое напряжение, от которого на коже выступали мурашки.

Я сидела в маленькой гримерке, уставившись на своё отражение в зеркале с яркой подсветкой. Гример Лена завершала последние штрихи, нанося на мои губы сочную, темную помаду. На мне был строгий, но выверенный до сантиметра приталенный брючный костюм винного цвета. Ничего лишнего. Никакого глянца, никаких рюшей. Только четкие линии и холодная уверенность.

— Князева, ты как статуя, — проворчала Лена, укладывая последний локон. — Хоть бы моргнула. Это же твой первый прямой эфир в роли ведущей! У тебя пульс вообще есть?

— Пульс появится, когда зажжется красная лампочка «ON AIR», — ровно ответила я, хотя внутри всё сжималось в тугую, ледяную узел.

Дверь в гримерку со стуком распахнулась. На пороге возник Дэн с планшетом наперевес. Выглядел продюсер так, будто за последние два часа выпил литр эспresso и три бан-

ки энергетиков.

— Двенадцать минут до эфира! — рявкнул он, заглядывая в помещение. — Князева, выглядит огненно. Цвет костюма — то, что надо, на фоне темных декораций будешь гореть. Так, а где наша звезда?

— В своей персональной гримерке, — буркнула Лена. — Закрылся изнутри, никого не пропускает.

— Ну естественно, — фыркнул Дэн и перевел взгляд на меня. — Ася, помни: первые сорок минут ты ведешь основной блок сама. Гости, интерактив, новости. В середине — пятнадцатиминутный блок с Хардом. Руководство уже у экранов. Посещаемость сайта канала зашкаливает, анонс сорвал комментарии. Не подведи.

— Я готова, Дэн.

— Знаю, что готова. Выходи на позицию.

Я поднялась с кресла, поправила петличку микрофона на лацкане пиджака, взяла планшет с карточками и выбила пальцами короткую дробь. Пора.

Павильон встретил меня гулом, светом десятков софитов и холодным воздухом из кондиционеров. Операторы проверяли фокус, звукорежиссер давал отсчет. Я прошла к главному столу, села в кресло ведущей и глубоко вдохнула.

В этот момент на противоположном конце студии, у теневой зоны, появился он.

Хард.

Никакого костюма. Черная кожаная куртка поверх про-

стой белой майки, потертые джинсы и тяжелые ботинки. На шее — тонкая серебряная цепочка. Волосы слегка взъерошены, будто он только что провел по ним рукой. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на меня через весь павильон. Без ленивой ухмылки. Строго, в упор, анализируя каждый мой шаг.

Я встретила его взгляд и еле заметно кивнула. Смотри сколько угодно, Хард.

— Тридцать секунд до эфира! — раздался из динамиков громкий голос режиссера. — Приготовились! Десять... девять... восемь...

Музыкальная заставка ударила по ушам. Софиты вспыхнули ярче. Красный глаз центральной камеры загорелся ледяным светом.

— Добрый вечер, — произнесла я в камеру, и мой голос прозвучал абсолютно ровно, бархатисто и уверенно. — В эфире шоу «Без фильтров», и я — Ася Князева...

Первые сорок минут пролетели как один мгновенный вдох. Опыт двух лет за кулисами не прошел даром: я держала темп, срезала паузы, натягивала внимание зрителя и чувствовала кадр так, будто проработала в прайм-тайм всю жизнь. В ушном мониторе периодически раздавался довольный шёпот Дэна: «Идеально, Князева... держи этот ритм...»

И вот наступил момент.

— А теперь — рубрика, которую вы все ждали, — сказала я, поворачиваясь к второй зоне студии, где стояли два вы-

соких барных стула под направленным лучом света. — Пятнадцать минут без сценария. Без купюр. Мой сегодняшний гость — человек, чей новый альбом обсуждает вся страна. Хард.

Под жесткий, тяжелый гитарный рифф из тени вышел Хард. Зал взорвался аплодисментами. Он не спеша подошел к зоне, поднялся на стул напротив меня, закинул ногу на ногу и оперся локтями о колено.

Наш зрительный контакт был почти осязаемым. В воздухе между нами физически ощущалось то самое напряжение, о котором мечтал Дэн.

— Привет, Ася, — с низкой, бархатной хрипотцой произнес он прямо в микрофон. — Отлично выглядишь. Вишневый тебе идет.

— Спасибо, Хард, — я даже не сбилась с тона. — Давай сразу к делу. Твой новый сингл за сутки поднялся на первую строчку чартов. Но реакция критиков неоднозначна. Пршлые твои альбомы были легкими, понятными и идеальными для клубных вечеринок. Новый трек — агрессивный, сложный, с тяжелым текстом. Почему ты решил так резко рискнуть своей аудиторией?

Хард чуть наклонил голову, уголок его губ дернулся:

— Люди меняются, Князева. Кому-то нравится стоять на месте, а кто-то растет. Я делаю ту музыку, которая мне нравится.

— Насчет «растет» — интересная формулировка, — я

улыбнулась самой профессиональной из своих улыбок и чуть подалась вперед. — Но давай будем честны с теми, кто нас смотрит. На твоих прошлых трех альбомах в графе «аранжировка и продюсирование» числилась крупная европейская музыкальная компания. А на новом сингле... только твое имя.

Хард слегка замер. Напряжение в его плечах мгновенно возросло. Серые глаза сузились.

— И что тебя смущает? — тихо спросил он.

— Меня ничего не смущает, — я смотрела на него в упор, не отводя взгляда ни на секунду. — Мне просто интересно: агрессия в новом треке — это действительно «рост»? Или это паника человека, который впервые остался без теневых продюсеров за спиной и пытается доказать всем, что он хоть чего-то стоит сам по себе?

В студии наступила абсолютная, звенящая тишина. В наушнике заорал Дэн: «ЧЕРТ ВЗЬМИ, КНЯЗЕВА, ТЫ СУМА СОШЛА?! СНИЗЬ НАКАЛ!»

Но я не снизила.

Хард смотрел на меня несколько секунд. На его челюсти желваки ходили ходуном. В его глазах вспыхнула такая буря, перед которой вчерашний дождь показался бы легким бризом. Он медленно снял микрофон с петлички, сжал его в руке, наклонился ко мне так близко, что между нашими лицами осталось от силы сантиметров двадцать, и прошептал прямо в эфир:

— Хочешь знать, чего я стою сам по себе, Ася?

Он выдержал паузу. Долгую, тяжелую, от которой воздух в павильоне буквально трещал статическим электричеством. В наушнике Дэн уже не вопил — он, кажется, просто забыл, как дышать.

— Я стою ровно столько, сколько готова заплатить за меня эта публика, — Хард не оторвал взгляд от моих глаз ни на долю секунды. Его голос прозвучал тихо, но из-за чувствительного микрофона рассыпался по всей студии низким, вибрационным бархатом. — Теневые продюсеры, офшоры, красивые бумажки... Ты неплохо копаешь для ведущей, которая ещё вчера приносила в этот павильон двойной эспрессо. Но знаешь, в чём разница между нами, Князева?

Он чуть приподнял бровь, и на его губах снова появилась эта невыносимая, ленивая хищная ухмылка.

— Разница в том, что продюсеры могут придумать красивую мелодию. Могут написать идеальную аранжировку, купить радиостанции и вычистить биографию. Но они не могут выйти сюда и сделать так, чтобы у миллионов людей по коже пошли мурашки. Это делаю я. Сам. И если мой новый трек звучит как агрессия — значит, именно это я сейчас чувствую.

В студии кто-то из операторов громко сглотнул.

— Ответ принят, — я даже не моргнула, хотя сердце колотилось в ребра, как бешеное. Я закинула ногу на ногу и откинулась на спинку стула, всем видом показывая, что его

близость на меня не действует. — То есть ты утверждаешь, что агрессия — это честность? А не просто попытка скрыть страх не оправдать ожиданий?

— Страх? — Хард хмыкнул, возвращаясь в прежнюю вальяжную позу, но глаза его оставались темными и опасными. — Страх — это играть по чужим правилам и улыбаться в камеру, когда тебе хочется всё здесь разнести. Я свои правила переписал. А ты? Ты сейчас задаешь эти вопросы, потому что это твой сценарий... или потому что тебе действительно интересно, что у меня внутри?

Это был прямой выпад. Он мгновенно перехватил инициативу и перевел стрелки на меня прямо в прямом эфире, сбив профессиональную дистанцию.

В наушнике очнулся Дэн: «Князева, до рекламы тридцать секунд! Закрывай блок, не давай ему загнать тебя в угол!»

— Мне интересно то, что интересно нашему зрителю, — холодно парировала я, глядя прямо в центральную камеру. — И судя по рейтингам, мы попали в самую точку. Это было шоу «Без фильтров». Уходим на короткую рекламную паузу, не переключайтесь — впереди самое интересное.

— СНЯТО! РЕКЛАМА! — загремел из динамиков голос режиссера.

Софиты мигнули, сменив яркий белый свет на приглушенный синий. Помощники режиссера тут же засуетились по площадке, а операторы отошли от камер.

Я молча поднялась со стула, собираясь вернуться к глав-

ному столу, но Хард среагировал быстрее. Он поднялся одним плавным, кошачьим движением и перегородил мне дорогу, перехватив мое запястье. Его пальцы были горячими, а хватка — сухой и неожиданно крепкой.

— Отпусти, — тихо сказала я, не повышая голоса, но посмотрев на него так, чтобы у него не осталось сомнений: устроить скандал прямо сейчас я не побоюсь.

— Ася Князева... — проговорил он, медленно разжимая пальцы, но не отступая ни на шаг. — А ты зубастая. Не боялась, что я просто встану и уйду после такого вопроса?

— Не ушел бы, — я поправила лацкан вишневого пиджака, сохраняя абсолютное внешнее спокойствие. — Твое эго никогда бы не позволило тебе выглядеть побежденным перед девчонкой с кофе.

Хард тихо рассмеялся — низко, искренне, без привычного звездного пафоса. В этом смехе впервые проскользнуло что-то живое.

— А ты мне нравишься всё больше, — шепнул он, наклоняясь к моему уху так, чтобы не слышали петлички. — Только запомни: ты открыла ящик Пандоры. Ты искала мои слабости, но теперь я буду искать твои. И поверь, Князева, я их найду.

— Десять секунд до конца рекламы! В кадр! — выкрикнул помощник режиссера.

Хард отступил на шаг, одарил меня долгим, читающим взглядом и легко салютовал двумя пальцами:

— Удачи во второй части, ведущая. Тебе она понадобится.

— Мы снова в эфире, — выровняв дыхание, произнесла я в центральную камеру. — И переходим к теме, о которой завтра в восемь утра будет говорить весь интернет.

Я повернулась к Харду, чувствуя, как внутри снова закипает тот самый азарт:

— Завтра выходит твой главный клип на новый сингл. Пресс-служба держит концепцию в строжайшем секрете, но я... скажем так, имела удовольствие наблюдать за процессом изнутри.

Хард чуть прищурился. В его серых глазах мгновенно вспыхнуло воспоминание о том дне в павильоне — пачка смет, мокрый плащ с чужого плеча, ледяные капли искусственного дождя и её горячая скула под его пальцами.

— Неужели? — с ленивой бархатной иронией отозвался он, подавшись вперёд. — И как тебе съёмочный процесс, Князева?

— Впечатляюще, — я очаровательно улыбнулась, не отводя взгляда ни на секунду. — Особенно момент, когда ты за полчаса выгнал из кадра трёх профессиональных моделей, забраковал утверждённый сценарий режиссёра и решил импровизировать прямо на площадке.

Зал в студии тихо ахнул. В ушном мониторе Дэн затаил дыхание.

— Модели играли фальшивку, Ася. Они изображали

страсть там, где должна быть ненависть, — ровно ответил Хард, хотя его ноздри чуть дрогнули. — Мне нужен был живой человек, а не кукла из рекламы зубной пасты.

— И ты нашёл этого человека, — я оперлась подбородком на сцепленные пальцы, вогнав шпильку прямо по металлу. — Но давай честно, Хард. Твоя знаменитая «импровизация» на площадке — это был ход гения... или ты просто испугался, что без чужого сценария не сможешь выдать настоящую эмоцию?

Хард тихо хмыкнул. В его взгляде зажглось то самое опасное, хищное пламя, как тогда, когда он шепнул мне про поцелуй под дождём.

— Ты была там, Ася. Ты стояла в двух сантиметрах от меня, — проговорил он тихо, почти сбив официальный тон, отчего у половины зрительниц в зале перехватило дыхание. — И ты видела мои эмоции. Они были настоящими. А вот насколько настоящим получился этот кадр — вся страна увидит завтра в восемь утра. Включая тебя.

— Обязательно включу, — холодно парировала я. — Посмотрим, стоила ли та импровизация твоих громких заявлений.

— А ты за меня не переживай, ведущая, — Хард подался ещё чуть ближе к краю барного стула, опираясь локтем о колено и сцепляя пальцы в замок. Его голос зазвучал тише, но в нём появилась такая въедливая, опасная сталь, от которой по коже пробежал мороз. — Свои заявки я всегда отрабаты-

ваю. До последнего кадра. И если в тот раз на площадке я дал тебе сыграть на эффекте неожиданности...

Он сделала паузу, выдерживая паузу прямо в эфире, глядя на меня со своей фирменной, откровенно дерзкой ухмылкой.

— ...то больше такого подарка не будет. Спуску я тебе не дам. Ни в этой студии, ни за её пределами. Вообще. Так что готовься к следующему эфиру лучше, Князева. Тебе придется защищаться по-настоящему.

В студии наступила такая звенящая тишина, что было слышно, как гудят софиты. В наушнике Дэн просто истерически выдохнул: «Боже мой... ДЕСЯТЬ СЕКУНД! ЗАКРЫВАЙ!»

— Я принимаю этот вызов, Хард, — я ровно выдержала его взгляд, очаровательно улыбнувшись прямо в центральную камеру, хотя внутри всё пылало от запредельного адреналина. — Время покажет, кому из нас придётся защищаться. Это было шоу «Без фильтров». До встречи в следующем эфире.

— СНЯТО! ВЫХОД ИЗ ЭФИРА! — загремел из динамиков голос режиссера.

Софиты гасли с оглушительным щелчком, сменяясь мягким полумраком павильона. Зал взорвался шумом, операторы начали снимать гарнитуры, а к нам уже бежали ассистенты.

Я отстегнула петличку микрофона, поднялась из-за стола

и бросила на Харда быстрый, холодный взгляд:

— Отличный спектакль.

Хард встал, не спеша одернул черную куртку и посмотрел на меня сверху вниз — нагло, разглядывая каждое движение.

— Это был не спектакль, Князева. Это было предупреждение.

— Это был абсолютно неконтролируемый, гениальный, чертов хаос! — Дэн едва не выбил собственную дверь, влетая в кабинет.

Он размахивал планшетом, на котором графики посещаемости сайта и упоминаний в соцсетях летели вверх вертикальной прямой.

— Вы двое устроили в кадре такое, о чём наш отдел пиара даже мечтать не смел! Какая к черту выдержка, Ася?! Ты вогнала его в угол про теневых продюсеров, а он... да он чуть не перекусил микрофон! Сайт телеканала упал на третьей минуте рекламной паузы!

Я сидела в глубоком кожаном кресле напротив его стола, медленно отпивая уже остывший ромашковый чай. Руки всё ещё слегка дрожали — адреналин выходил из крови медленно и неохотно.

— Я просто задавала вопросы, Дэн. Как и договаривались.

— Ты задавала вопросы с таким видом, будто зачитывала ему смертный приговор, — продюсер опустился в свое кресло и с уважением посмотрел на меня. — И это сработало. Руководство в восторге. Тебя утверждают на весь сезон.

Официально, Князева. Больше никакой сметы и кофе. Ты — официальное лицо вечернего прайм-тайма.

Я сделала глубокий вдох. Вот она, победа. То, к чему я шла два года, ради чего терпела капризы звёзд, бессонные ночи и хаос на площадках. Мечта сбылась.

Но почему-то в голове крутилась не похвала Дэна, а его последние слова перед тем, как погасли софиты: «Спуску я тебе не дам. Вообще. Готовься...»

— Спасибо, Дэн, — ровно ответила я, поднимаясь с кресла. — Я пойду переоденусь.

— Иди, Ася. Отдыхай. Завтра в восемь утра выйдет его клип — готовься к новой волне реакций.

В гримёрке уже никого не было. Лена убрала кисти и ушла, оставив на столе только влажные салфетки и остатки пудры. Я стянула вишнёвый пиджак, аккуратно повесила его на плечики, смыла плотный студийный макияж и переоделась в привычные джинсы и худи.

Броня снята. В зеркале снова стояла обычная Ася. Но внутри что-то бесповоротно изменилось.

Выйдя из здания телецентра через служебный ход, я попала в прохладный ночной воздух. Мелкий дождь моросил по асфальту, отражая желтые огни фонарей. Служебная парковка была почти пустой — рабочий день закончился, большинство сотрудников давно разъехались.

Я направилась к остановке, накинув капюшон, как вдруг у стены павильона мигнули фары тяжелого черного внедо-

рожника.

Дверь с пассажирской стороны открылась, и из салона вырвался тот самый низкий бит из его нового сингла.

Хард стоял, прислонившись спиной к крылу машины. Без куртки, в одной белой майке, несмотря на морозящий дождь. В руке он держал зажженную сигарету. Дым смешивался с паром от его дыхания.

— Долго копошишься, ведущая, — негромко проговорил он, даже не повернув головы, когда мои шаги затихли на бетоне.

— Ты меня поджидаешь? — я остановилась в трех шагах от него, сложив руки на груди. — Автографы я не собираю, Хард. А рабочий день закончился двадцать минут назад.

— Я не поджидаю, — он сделал затяжку, и огонёк ярко вспыхнул в темноте, осветив его скулу и тонкий шрам над бровью. — Я жду. Это разные вещи.

— И чего ты ждешь?

Хард бросил бычок на мокрый асфальт, приступил его носком ботинка и медленно сделал шаг ко мне. Опять эта его привычка рушить любую дистанцию.

— Хочу понять, — он наклонился чуть ниже, смотря мне прямо в глаза, и в его голосе проскользнула холодная, неожиданная искренность. — Насколько ты настоящая, Ася. На площадке под дождем ты смотрела на меня так, будто готова убить. В эфире — будто готова препарировать. А сейчас стояла у окна гримерки и смотрела на город так, будто тебе

шестнадцать и ты не знаешь, куда идти.

Я натянулась, как струна.

— Ты следил за мной?

— Я просто смотрел, — отрезал он. — Так же, как ты смотрела в мои реестры авторских прав. Мы в расчете, Князева. Но ты так и не поняла главного.

— Чего же?

— Завтра в восемь утра выйдет клип, — он шагнул еще ближе, и я почувствовала знакомый запах его парфюма, смешанный с табаком и ночным дождем. — И вся страна увидит, как ты на самом деле на меня смотришь. Никакой костюм и профессиональный тон в эфире тебя после этого не спасут.

— Это была актерская игра, Хард, — мой голос прозвучал твердо, хотя сердце снова предательски ухнуло вниз. — Мне обещали проект. Я сыграла то, что от меня требовал режиссер.

Хард тихо, низко рассмеялся — точно так же, как тогда, под искусственным дождем.

— Ври кому-нибудь другому, Ася. Себе, Дэну, зрителям. Но не мне.

Он развернулся, легко забрался на водительское сиденье внедорожника и опустил стекло:

— Садись. Подвезу.

— Я доеду на автобусе.

— Автобусы в это время уже не ходят, ведущая. Садись, не заставляй меня уговаривать. У меня нет настроения иг-

рать в благородство.

Я посмотрела на пустую, затянутую туманом улицу. Дождь усиливался, превращаясь из мелкой мороси в плотную сетку. Холодная вода уже начинала просачиваться сквозь ткань худи. Автобуса действительно не было видно, да и перспектива стоять сорок минут на продуваемой остановке после безумного эфира не окрыляла.

— Только попробуй сделать хоть один неверный шаг, — тихо проговорила я, подходя к пассажирской двери.

— Обожаю твои угрозы, Князева. Они так убедительно звучат, когда у тебя зуб на зуб не попадает от холода, — фыркнул Хард, переключая рычаг передач.

Я влезла в сухой, прогретый салон. Внутри пахло дорогой кожей, пряным парфюмом и легким оттенком табака. Мощный двигатель тихо заурчал, и тяжелый внедорожник плавно тронулся с места, выезжая с парковки телецентра на пустой ночной проспект.

Я назвать адрес не успела — Хард сам уверенно повернул в нужный переулок.

— Откуда ты знаешь, где я живу? — я мгновенно повернулась к нему, прищурившись.

— У тебя в контракте с каналом указан адрес, — он даже не повернул головы, небрежно держа руль одной рукой. В свете редких фонарей его профиль казался высеченным из камня. — А перед эфиром я люблю изучать документы. Ты же у нас любишь копать глубоко, Князева. Я просто беру с

тебя пример.

— Ты рылся в моих личных данных?

— Я собирал информацию о сопернике, — ровно возразил он. — Нормальная практика.

В машине потоком лилась тихая, глухая музыка — не его легкие радио-хиты, а какой-то темный, глубокий синти-поп с плотным басом. Удивительно, но это совсем не вязалось с образом холёного поп-идола, который для него годами лепили продюсеры и таблоиды. В свои тридцать два Хард явно перерос ту глянцевою картинку, которую от него требовали.

— Почему именно этот сингл? — спросила я спустя пару минут молчания, уставившись на бегущие по стеклу капли дождя. — Твои прошлые поп-треки приносили тебе миллионы и гарантировали первые места без всякого риска. Зачем было рушить то, что работало идеально?

Хард молчал так долго, что я уже подумала — он игнорирует вопрос. Но потом он чуть сжал пальцы на руле, и его голос прозвучал сухо и без привычного пафоса:

— Потому что «то, что работало идеально», меня чуть не удушило. Тебе приятно делать то, от чего тебя тошнит, просто потому что за это хорошо платят?

— Я два года таскала кофе людям, которые даже не запомнили моего имени, — тихо ответила я. — Так что да, я знаю, каково это.

Хард бросил на меня быстрый, неожиданно долгий взгляд. На мгновение между нами опять проскочила та звенящая,

опасная нить понимания, от которой становилось тесно в салоне.

— Но ты же пробились, — проговорил он. — Вцепилась зубами и забрала свое эфирное время.

— Забрала. И не отдам.

— Я и не сомневался, — уголок его губ едва заметно дёрнулся.

Внедорожник мягко затормозил у старой пятиэтажки в тихом дворе, где я снимала небольшую квартиру. Фары осветили облезлую скамейку у подъезда и намокшие кусты сирени.

Я взялась за ручку двери, но замерла, не спеша выходить в проливной дождь.

— Спасибо, что подвез, — проговорила я, не смотря на него. — И... хорошего выхода клипа завтра.

— Напиши мне в восемь утра, — вдруг сказал Хард.

Я повернулась:

— Что?

— В восемь утра выйдет клип. Напиши мне, что ты о нем думаешь. Честно. Без эфирной цензуры и заготовленных колкостей.

— С какой стати я должна тебе писать?

Хард повернулся ко мне всем корпусом, опираясь локтем о руль. В его серых глазах снова вспыхнул тот самый азартный, дерзкий огонек:

— Потому что ты единственный человек на этом черто-

вом канале, чье мнение мне действительно интересно, Князева.

Сердце пропустило удар. Я сжала лямку сумки, быстро щелкнула замком двери и шагнула в ночную прохладу.

— Посмотрю на твое поведение, — бросила я через плечо и захлопнула дверь.

Я взлетела по лестнице на свой третий этаж, даже не оглянувшись. Но стоя у окна в темной кухне и наблюдая, как черный внедорожник медленно разворачивается и исчезает за поворотом двора, я поймала себя на том, что уже жду, когда на часах будет восемь утра.

Глава 4

Утро началось не со звонка будильника, а с вибрации телефона.

Я разлепила глаза. Сквозь полупрозрачные шторы в кухню пробивался серый рассветный свет. На экране горело 07:58.

Телефон буквально разрывался от уведомлений: мессенджеры, рабочие чаты, отметки в соцсетях. За ночь нарезка из вчерашнего вторничного эфира «Без фильтров» набрала больше трех миллионов просмотров. Комментарии кишели теориями: «Боже, какая между ними искра!», «Она разрушила его образ за пять минут!», «Хард впервые выглядит живым, а не пластмассовым».

Но я не стала открывать соцсети.

В 08:00 ровно на экране появилось новое push-уведомление от официального канала Харда: Премьера. «Свет включу».

Я села на диване, поджала ноги и натянула плед на плечи. Пальцы чуть дрожали, когда я нажимала на воспроизведение.

Музыка началась с низкого, пульсирующего баса, который я слышала вчера в его машине. С первых же секунд кадр затянул своей мрачной, дорогой эстетикой. Но вся глянец, к которому привыкли фанаты Харда, был содран до мяса.

Камера скользила по темной улице, неоновым вывескам и... на мокром асфальте появились мы.

Я затаила дыхание. Режиссер Марк сделал невозможное. Он не вырезал ни единого момента.

На экране я увидела себя — не ассистентку в чужом плаще, а женщину с горящим, полным ярости и гордости взглядом. И Харда. В кадре он смотрел на меня так, будто во всем огромном мегаполисе не существовало больше ни души. А потом следовал тот самый момент: его пальцы касаются моей скулы, мои ресницы дрожат, и он коротким, искренним движением ломает сценарий, тихо смеясь мне в губы.

Это не выглядело как игра. Это выглядело как оголенный нерв. Как абсолютная, нефильТРованная правда, от которой по коже бежали мурашки.

Клип закончился темным экраном и последней строчкой: «Я свет включу — себя не видно».

Я сидела в полной тишине минуты три, смотря в потемневший дисплей. Сердце колотилось в ребра. Он был прав. Никакой вишневый пиджак ведущей, никакая студийная броня больше не спасут меня от этого кадра. Теперь вся страна знает, как именно мы умеем смотреть друг на друга.

Палец сам нашел иконку мессенджера. Номер Харда я не сохраняла, но сообщение с ссылкой на локацию вчера вечером он прислал сам.

Я открыла диалог. Курсор мигал на пустом поле.

«Без эфирной цензуры и заготовленных колкостей», —

прозвучал в голове его вчерашний голос.

Я сделала глубокий вдох и напечатала:

«Это чертовски талантливо, Хард. Ты был прав — глянцевики испортили бы этот кадр. Но если ты думаешь, что после этого клипа я стану мягче на следующем эфире — ты катастрофически ошибаешься. Готовься».

Ответ пришел через две секунды. Будто он сидел с телефоном в руках и ждал именно этого сообщения.

Хард: «Я никогда так не ошибаюсь, Князева. Рад, что ты оценила. Кофе принести сегодня в студию, или теперь мне придется просить у тебя аудиенции через Дэна?»

Я невольно улыбнулась, качнув головой, и напечатала ответ:

«Двойной эспрессо. Без сахара. И захвати к четвергу хорошую защиту, поп-звезда. В эфире я с тебя не слезу».

Хард: «До четверга я как-нибудь дотерплю, Князева. Но кофе привезу сегодня. На летучке у Дэна всё равно придется встретиться».

Утреннее метро гудело, как растревоженный улей, но для меня этот гул превратился в белый шум. Я прижалась плечом к поручню в полупустом вагоне и наконец открыла соцсети.

Экран телефона мгновенно завис от наплыва уведомлений. Тэг с моим именем и названием шоу «Без фильтров» уверенно висел в топ-1 трендов. Но стоит только клипу Харда «Свет включу» набрать первый миллион просмотров за

пару часов, как интернет-пространство буквально взорвалось.

Народное мнение раскололось на два непримиримых лагеря.

Первый лагерь — армия фанатов Харда и любители сочных сплетен — не жалел грязи.

«Кто эта девка вообще?! Вчера кофе носила, а сегодня в клипе с ним обнимается и эфиры ведет? Понятно, через какую постель она пробилась на TV!»

«Очередная выскочка, которая решила похайпить на имени Харда. Отстань от него! В эфире вела себя как хамка, а в клипе изображает жертву. Фу, мерзко».

«Хард, открой глаза! Она же тебя просто использует ради карьеры! Посмотрите, как она его допрашивала в эфире — чисто ушлая баба!»

Я сжала телефон так, что побелели костяшки. Внутри всё сжалось от злого, жгучего обиды. Два года адской работы, бессонных ночей, перечеркнутых личных планов — и всё это сведено к банальному «пробилась через постель».

Но, перелистнув дальше, я наткнулась на второй лагерь. И этот лагерь был не менее громким.

«Народ, вы слепые?! Это лучшая ведущая на канале за последние лет пять! Она единственный человек, который не стал слюни пускать перед Хардом, а задал реальные, жесткие вопросы!»

«Слушайте, а какая между ними химия?! В этом клипе у

меня аж экран нагрелся! Она не очередная силиконовая модель, у нее взгляд живой, умный. Наконец-то на TV появились настоящие лица!»

«Князева — просто тигрица. Выбить из Харда ТАКУЮ искренность и сломать его сценарий — это профессионализм наивысшего уровня. Подписываюсь на ее шоу!»

Пока я читала ветку с жарким спором двух пользователей, поезд плавно затормозил на моей станции. Я поднялась по эскалатору, накинув капюшон.

Уже у самого выхода из метро меня кто-то окликнул:

— Девушка! Простите!

Я обернулась. Около газетного киоска стояла молодая девушка в наушниках, держа в руках стаканчик с кофе. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, переводя взгляд с экрана своего смартфона на мое лицо.

— Вы... вы же Ася Князева? Из «Без фильтров»?

— Да, — настороженно ответила я, инстинктивно шагнув назад и готовясь к любой реакции.

— Боже мой! — девушка всплеснула руками. — Я только что досмотрела клип Харда! Вы просто невероятная! То, как вы умыли его вчера в прямом эфире про авторские права — это было гениально! Можно с вами сфотографироваться?

Я замерла на секунду. Впервые в жизни меня узнали на улице. Не как «девушку с подносом кофе», а как Асю Князеву, ведущую вечернего прайм-тайма.

— Спасибо вам, — тепло улыбнулась я, подходя ближе.

— Да, конечно, давайте сфотографируемся.

Сделав селфи и попрощавшись со зрительницей, я пошла к телецентру уже совсем с другим настроением. Пусть соцсети бьются в конвульсиях, пусть хейтеры пишут гадости. Главное — меня заметили. Моя броня выдержала первый удар.

На КПП телецентра охранник дядя Коля, который раньше даже не поднимал на меня глаз, когда я плакала пропуском, вдруг выпрямился и доброжелательно кивнул:

— Доброе утро, Ася Сергеевна! Отличный вчера эфир был, весь вечер с женой смотрели!

— Спасибо, Николай Петрович! — ответила я и шагнула в турникет.

Проходя по длинным коридорам к кабинету Дэна, я ощущала на себе десятки взглядов. Коллеги, гримеры, осветители, операторы — все шептались за моей спиной, кто-то улыбался, кто-то завистливо поджимал губы.

Я толкнула дверь стеклянного кабинета продюсера.

Дэн сидел за столом, окруженный распечатками рейтингов. А на диванчике у окна, закинув ногу на ногу и небрежно крутя в руках бумажный стаканчик с логотипом нашей любимой кофейни, сидел Хард.

На нем были темные очки, несмотря на то что в кабинете горел обычный дневной свет, и все та же кожаная куртка.

Увидев меня, он медленно снял очки и уголок его губ пополз вверх.

— Твой двойной эспresso, Князева, — он указал подбо-

родком на второй стаканчик на столе. — Без сахара. И с победой: у нас новый рекорд по цитируемости в прессе.

Я подошла к столу и забрала свой эспрессо. Горячий картон приятно обжигал пальцы.

— Спасибо. Держать слова ты умеешь, — я сделала глоток, с удовольствием ощущая привычную горчинку. — Надеюсь, к четвергу ты так же ответственно подготовишься, как к доставке кофе.

— К четвергу я готов всегда, Князева, — Хард оперся локтями о колени, с легким вызовом глядя на меня снизу вверх. — Вопрос в том, готова ли ты. Ты видела, что пишут в сети?

— Видела, — ровно ответила я, хотя внутри на секунду снова кольнуло. — Твои фанаты считают, что я пробилась через твою постель и вообще паразитирую на твоём великом имени.

— О, не бери в голову, — подал голос Дэн, отрываясь от распечаток. — Половина из них просто ревнует, а вторая половина... ну, скажем так, они генерируют нам миллионный трафик! Посмотрите на эти показатели!

Дэн развернул к нам монитор, где графики охватов стремительно рвались вверх.

— Выпуск вторника бьет все рекорды канала, — продолжал продюсер с азартом опытного дельца. — Но клип Харда взвинтил ставки до небес. Сейчас публика разделена ровно пополам: одни мечтают увидеть, как Ася наматывает тебя на кулак в четверг, а другие жаждут, чтобы Хард поставил

«дерзкую девчонку» на место. И мы дадим им это шоу.

— Каким образом? — я прищурилась, чувствуя подвох.

— В четверг эфир будет полностью посвящен вашему клипу и той реакции, которую он вызвал, — Дэн сложил пальцы домиком. — Никаких сглаженных углов. Ася, ты будешь задавать самые неудобные вопросы про хейт, про слухи о вашем романе и про то, не был ли этот клип дешевым пиар-ходом. А ты, Хард...

— А я буду отвечать так, чтобы у твоих редакторов валидол закончился, — перебил его поп-артист, не спуская с меня глаз. — Всё как ты любишь, Князева. Без цензуры.

— Идеально! — Дэн хлопнул ладонями по столу. — Сценарий пропишем к вечеру, но основа — ваша чистая импровизация и эта звенящая химическая реакция, которую вы выдали во вторник. Вопросы есть?

— Есть один, — я повернулась к Харду, сделав еще глоток кофе. — Ты готов к тому, что в четверг я не буду делать скидку на то, что ты подвозишь меня до дома и поишь эспresso?

Хард поднялся с дивана, оказавшись совсем рядом. От него веяло уверенностью и тем самым пряным ароматом, который за ночь успел впечататься в мою память.

— Князева, — он наклонился к моему уху, проговаривая слова чуть тише, чем нужно для кабинета Дэна: — Если ты сделаешь мне хоть одну скидку... я смертельно на тебя обижусь.

Четверг. 21:50. До прямого эфира оставалось десять минут.

За кулисами царил контролируемый хаос: осветители поправляли софиты, звукорежиссеры кричали в рации, а Дэн мечущейся тенью ходил от одного монитора к другому. График ожидания трансляции в сети зашкаливал — на ютуб-канале в комнате ожидания уже сидело больше двухсот тысяч человек.

Я стояла у ростового зеркала в гримерке. Сегодня Лена превзошла саму себя: на мне был идеальный, безупречно скроенный белоснежный брючный костюм с четкими плечами и V-образным вырезом. Волосы уложены в мягкие, но аккуратные волны.

Броня номер два. Чистая, элегантная и бескомпромиссная.

Дверь гримерки отворилась без стука. В проеме появился Хард.

Сегодня он отказался от привычной кожанки и майки: на нем была темная рубашка с расстегнутыми верхними пуговицами и строгий пиджак, который идеальным кроєм подчеркивал широкие плечи. В свои тридцать два года он выглядел невероятно порочно и чертовски дорого.

— Опять без стука, поп-звезда? — я повернулась к нему, поправляя микрофон-петличку на лацкане.

— Привыкай, Князева, — он прислонился плечом к дверному косяку, смерив меня медленным, цепким взглядом от

туфель до укладки. — Белый тебе идет. Выглядишь как ангел, который пришел за чьей-то душой.

— Надеюсь, ты успел исповедаться. Потому что жалеть тебя в кадре никто не собирается.

Хард сделал шаг в гримерку и прикрыл за собой дверь. В узком пространстве между нами снова сжался воздух.

— Ты читала статьи за сегодня? — тихо спросил он, опустив привычную иронию. — Пресса пишет, что наш клип — это спродюсированный фальшивка. Что мы с тобой играем спектакль, чтобы поднять рейтинги твоему шоу и моему альбому.

— А разве это не так? — я гордо вскинула подбородок, хоть сердце и качнулось. — Мы продаем эмоцию, Хард. Это телевидение.

— Эмоцию? — он шагнул еще ближе, вынуждая меня закинуть голову. Его серые глаза потемнели. — То, как ты смотрела на меня, когда я подвозил тебя домой — это тоже была игра? Наш разговор у твоего подъезда — тоже сценарий для камер?

Я лишь прохладно усмехнулась, удерживая ровный, отстраненный взгляд.

— Тебе кажется, Хард. Я на всех так смотрю — привычка внимательно изучать собеседника. Ты далеко не исключение, так что не выдумывай то, чего нет.

Хард прищурился, и в его глазах блеснул спортивный азарт.

— Внимание, три минуты до эфира! Ведущая и гость, пройдите на площадки! — раздался из динамика сухой голос помощника режиссера.

Он отступил на шаг, так и не сводя с меня глаз.

— Иди, Князева. Посмотрим, какими вопросами ты попытаешься прикрыть то, что происходит между нами на самом деле.

22:00. Красная лампа над камерой вспыхнула. LIVE.

— Добрый вечер, страна. В эфире «Без фильтров», и я — Ася Князева, — мой голос прорезал тишину студии, чеканный и уверенный. — За последние сорок восемь часов интернет буквально разорвало. Премьера клипа «Свет включу», где я сыграла главную роль, набрала десять миллионов просмотров. Но вместе с успехом пришла и волна хейта.

Я повернулась к Харду, который вальяжно сидел в кресле напротив, закинув ногу на ногу и смотря на меня с легким вызовом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.